

В.А. Маклаков

**Власть и общественность на
закате старой России**

Том 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.А. Маклаков**
Власть и общественность на закате старой России: Том 3 / В.А. Маклаков –
М.: Книга по Требованию, 2013. – 226 с.

ISBN 978-5-458-54395-8

Один из лидеров партии кадетов, В.А.Маклаков соединил свои личные воспоминания с анализом политических процессов, происходивших в России в конце 19 - начале 20 века, с точки зрения их участника. Выпукло, образно показано зарождение гражданского общества в России, победы и неудачи в самовоспитании общества.

ISBN 978-5-458-54395-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

люди, которые никакой Революціи не хотѣли, а шли вмѣстѣ съ революціонерами лишь потому, что иначе не надѣлились Самодержавіе свергнуть. Временный союз лояльного либерализма съ настоящею Революціей и былъ отличительнымъ свойствомъ того движенія, которое называлось «Освободительнымъ».

Если бы Самодержавіе продолжало упорствовать, оно дошло бы до открытой гражданской войны; оно могло бы побѣдить, что очень возможно, и эра либерализма была бы еще надолго оторочена. Оно могло бы пасть передъ Революціей, и мы въ 1905 году получили бы 1917 годъ. Но это все гаданіе заднимъ числомъ. Самодержавіе сумѣло во время уступить и этимъ избавить Россію и отъ гражданской войны и отъ Революціи.

Если бы «Освободительное Движеніе» добивалось одной конституціи — оно бы остановилось; оно своей цѣли достигло. Но власть опоедала; народныя массы уже выходили на улицу. Съ ними шла и Революція. У Революціи была совсемъ другая программа, и на первомъ планѣ, въ программѣ *minimum* — низверженіе не Самодержавія, а Монархіи, установленіе полного народовластія и «строительную социализма» какъ конечная цѣль. Для этой части «Освободительнаго Движенія» 17 октября было такимъ же обманомъ, какъ для либерализма 12 декабря или 6 августа. Наступающая сдѣланная въ разгарѣ борьбы не останавливается, поощряетъ побѣждающую сторону. Революціоннымъ партиямъ, которыя европейскій либерализмъ считалъ отсталымъ мнѣніемъ, казалось, что въ Россіи можно установить то, чего не было и въ Европѣ, т. е. новый социальный порядокъ. В одномъ они и не ошибались. Нигдѣ демагогія не могла прѣтить такъ мало сопротивленія, какъ именно въ нашей культурной странѣ. 17-ый годъ доказалъ это съ достаточной яркостью. Поэтому въ 1905 г. конституціонной реформой нельзя было совершенно *предупредить Революцію*; ее можно было во время *побѣдить*, но съ ней уже приходилось *бороться*.

И немудрено, что послѣ Манифеста 17 октября вѣднѣя черты Революціи только усилились. Люди, переживши объ революціи, могутъ ихъ сравнивать. Помню свое вѣсчатѣннѣе. Несмотря на крушеніе въ 1917 г. историческн власти, тогда, на мой личный взглядъ, первое время был больше порядка. И я себя спрашивалъ, сдѣлался ли народъ разумнѣй подѣ вліяніемъ конституціоннаго опыта или н него вліяла война спасительнымъ страхомъ?

Когда 18-го октября утромъ прочли Манифестъ, толп народа повалили на улицу. Дома раскрасились національными флагами. Но «ликваніе» продолжалось недолго. Революціа не остановилась. Манифестанты рвали трехцвѣтные флаги, оставляя только красную полосу. Власть была безсильна и пряталась. На улицахъ была не только стихія появились и ея руководители. Вечеромъ перваго дня я с М. Л. Мандельштамомъ зашелъ на митингъ въ консерваторію. Въ вестибюль уже шелъ денежный сборъ подѣ плакатомъ «на вооруженное возстаніе». На собраніи читался докладъ о преимуществахъ маузера передѣ браунингомъ. Здѣсь мы услышали про убійство Баумана и про назначеніе торжественныхъ похоронъ. К-д. комитетъ постановилъ принять участіе въ похоронахъ; процессія тянулась на много версть. Двигался лѣсъ флаговъ съ надписями: «да здравствуетъ вооруженное возстаніе», «да здравствуетъ демократическая республика». Къ ночи процессія достигла кладбища, гдѣ подруга Баумана Медвѣдева при факельномъ свѣтѣ и съ револьверомъ въ рукѣ клялась отомстить. Цѣлый день улица была во власти «народа». Сила невидимой организаціи, которая собрала эту толпу и ею управляла, невольно противопоставлялась слабости власти. Когда въ 1917 г. пріѣхала въ Петербургъ А. М. Коллонтай, она мало вѣрила въ успѣхъ Революціи. Но она мнѣ призналась, что, увидавъ изумительную организацію похоронъ «жертвъ революціи», она ей повѣрила. Ея наблюденія я заднимъ числомъ отношу и къ похоронамъ Баумана. Тогда тоже долж-

но было стать ясно, что у Ахеронта есть вожаки, которые умѣютъ имъ управлять, и что у вожаковъ есть матеріальная сила. Вожаки же революціи не мирились съ *монархической конституціей*, какъ въ свое время либерализмъ не мирился съ совѣщательной Булыгинской Думой.

Это могло быть не такъ страшно для власти, пока Россия — деревня оставалась спокойной. Но этого не было. Въ деревнѣ революціонная пропаганда шла очень далеко. Манифестъ 17 октября въ ней не удовлетворилъ никого: онъ не говорилъ о землѣ. Но зато онъ объявилъ свободы и подъ защитой этихъ новыхъ словъ усилилась демагогія; народъ сталъ осуществлять свою «волю». Въ первые мѣсяцы послѣ Манифеста я не былъ въ деревнѣ, но картину ея легко представляю себѣ по сѣзду Крестьянскаго Союза въ Москвѣ въ началѣ ноября 1905 года. Я попалъ на него по знакомству; о немъ печатались и отчеты (Право, 1905 г. № 44). Делегаты съ разныхъ концовъ излагали, что на мѣстахъ происходило. Въ центрѣ желаній стояла земля; «волей народа» было отбирать ее отъ помѣщиковъ. Хотя такая «реформа» уже нашла себѣ мѣсто въ партійныхъ программахъ, крестьяне не хотѣли дожидаться законовъ. А Крестьянскій Союзъ направлялъ стихійную волю крестьянъ. Въ благообразномъ отчетѣ о сѣздѣ, напечатанномъ въ «Правѣ», можно прочесть подобные перлы: «Крестьяне производили разгромъ и поджоги только тамъ, гдѣ не надѣялись на свои силы», говорилъ одинъ делегатъ. «Но въ мѣстахъ, гдѣ были образованы дружины, они *просто* (курс. мой) объявляли землю общественной и выбирали старосту для управленія ею». Какъ это «просто» происходило на практикѣ? Въ молчѣ ушахъ звучатъ слова другого делегата: «гдѣ не было Крестьянскаго Союза», заявлялъ онъ съ гордостью, «не было *ни одного случая насилія*: били только помѣщиковъ и ихъ управляющихъ, да и то только въ томъ случаѣ, если они сопротивлялись». На этомъ собраніи я увидаль знаменитаго Щербака. Онъ прибылъ въ концѣ и былъ встрѣченъ какъ

тріумфаторъ. Ему дали слово не въ очередь. Онъ разска- залъ, что дасть крестьянамъ совѣты не платить аренды, не работать у помѣщиковъ, не позволять другимъ работать у нихъ, не платить налоговъ и требовать свои деньги золотомъ изъ сберегательныхъ кассъ. Съѣздъ былъ въ восторгѣ. «За нимъ крестьяне пойдутъ всѣ, какъ одинъ челоувѣкъ», въ восхищеніи говорилъ мнѣ предсѣдатель собранія, бывшій пра- вовѣдъ и прокуроръ.

Къ городскому и крестьянскому движенію присоеди- нялись національныя, опасность которыхъ общественность преуменьшала. Чего хотѣли національности — узнали въ 1917 г. Но и онѣ тогда проявляли свою волю, не считаясь ни съ законами, ни съ волей *всего* государства. Въ Россіи наступалъ тотъ хаосъ, который въ чистомъ видѣ мы увиде- ли въ 1917 г.

Такъ 1905-ый годъ названъ былъ «Револуціей» не во- все напрасно. Въ Россіи дѣйствительно создалась «револю- ційная ситуація» на почвѣ общаго недовольства и ослабле- нія власти. У Револуціи были программа, вожди и мате- ріальная сила. Она рѣшила вести борьбу до конца. Мани- фестъ могъ оказаться простымъ преддверіемъ Револуціи; могъ стать и началомъ эпохи реформъ. Россія была на распутьи. Отъ торжества Револуціи отдѣлялъ только не- сломленный еще государственный аппаратъ.

Тѣмъ, кто считалъ, что Россія переросла форму кон- ституціонной монархіи, Манифестъ давалъ новыя средства борьбы. Они имъ и пользовались. Но въ чемъ былъ исто- рическій долгъ тѣхъ, кто добивался конституціонной мо- нархіи, чтобы въ рамкахъ ея преобразовать Россію въ евро- пейскую демократію?

Имъ могло казаться невыгоднымъ сохраненіе власти въ рукахъ прежняго Государя. Онъ уступилъ не по убѣжде- нію; могъ даже безъ умысла саботировать реформы, кото- рые обѣщаль противъ воли. Это предполагало новую борь- бу съ силами старого строя.

Это правильно. Но предстоящая либерализму конституционная борьба съ ними была меньшимъ зломъ, чѣмъ Революція. Революція не остановилась бы на либеральной программѣ. Не представители либеральной общественности могли бы ее на ней удержать. Имъ, принесеннымъ къ власти «народной волей», было бы не по силамъ съ этой волей бороться. Демagogія бы ихъ одолѣла, какъ это показалъ 17-й годъ. Было счастьемъ для нихъ, что прежняя власть уцѣлѣла и сама объявила новый порядокъ. Либеральному обществу было легче бороться съ прежней властью въ рамкахъ новаго строя, чѣмъ съ Революціей въ обстановкѣ революціоннаго хаоса. Въ *его интересахъ* было спасти государственную власть отъ крушенія. Но для этого общество должно было стать ей опорой; безъ активной поддержки общественности конституція быть не могло. Безъ нея могла получиться только или Революція или Реставрація стараго строя.

А если сохраненіе исторической власти было полезно, надо было дѣлать уступки и ей. Она была еще реальной силой, не меньшей, чѣмъ наша общественность. Было ребячествомъ думать, что пока она существовала, какъ традиціонная власть, ей можно было бы покрывать все, что требуютъ представители «воли народа». Съ властью надо было заключать соглашеніе на почвѣ взаимныхъ уступокъ, принимая въ уваженіе ея силу, а можетъ быть и предрасположенія. «Освободительное Движеніе» съ Самодержавіемъ соглашеній не допускало. Но Самодержавіа больше не было.

Конституціонная монархія была тѣмъ, чего хотѣлъ либерализмъ, и что ему самому было полезно, чтобы его не поглотилъ революціонный хаосъ. Если Бисмаркъ правъ, что для конституціонной жизни есть компромиссъ, то компромиссъ съ конституціонной монархіей становился не изъяснимой, а единственной разумной политикой. И соглашеніе съ Самодержавіемъ Монархіей въ тотъ моментъ было тѣмъ легче, что она сдѣлала то, что было для этого нужно. Она согласилась на конституцію, закрѣпивъ ее Манифестомъ. Наконецъ, во гла-

тріумфаторъ. Ему дали слово не въ очередь. Онъ разска-
залъ, что даетъ крестьянамъ совѣты не платить аренды, не
работать у помѣщиковъ, не позволять другимъ работать у
нихъ, не платить налоговъ и требовать свои деньги золотомъ
изъ сберегательныхъ кассъ. Съѣздъ былъ въ восторгѣ. «За
нимъ крестьяне пойдутъ всѣ, какъ одинъ человекъ», въ вос-
хищеніи говорилъ мнѣ предсѣдатель собранія, бывший пра-
вовѣдъ и прокуроръ.

Къ городскому и крестьянскому движенію присоеди-
нились національныя, опасность которыхъ общественность
преуменьшала. Чего хотѣли національности — узнали въ
917 г. Но и онѣ тогда проявляли свою волю, не считаясь
ни съ законами, ни съ волей *всего* государства. Въ Россіи
наступалъ тотъ хаосъ, который въ чистомъ видѣ мы увиде-
ли въ 1917 г.

Такъ 1905-ый годъ названъ быть «Револуціей» не во-
все напрасно. Въ Россіи дѣйствительно создалась «револю-
ціонная ситуація» на почвѣ общаго недовольства и ослабле-
нія власти. У Револуціи были программа, вожди и мате-
ріальная сила. Она рѣшила вести борьбу до конца. Мани-
фестъ могъ оказаться простымъ преддверіемъ Револуціи;
могъ стать и началомъ эпохи реформъ. Россія была на
распутьи. Отъ торжества Револуціи отдѣлялъ только не-
сломленный еще государственный аппаратъ.

Тѣмъ, кто считалъ, что Россія переросла форму кон-
ституціонной монархіи, Манифестъ давалъ новыя средства
борьбы. Они ими и пользовались. Но въ чемъ былъ исто-
рической долгъ тѣхъ, кто добивался конституціонной мо-
нархіи, чтобы въ рамкахъ ея преобразовать Россію въ евро-
пейскую демократію?

Имъ могло казаться невыгоднымъ сохраненіе власти въ
рукахъ прежняго Государя. Онъ уступилъ не по убѣжде-
нію; могъ даже безъ умысла саботировать реформы, кото-
рыя обѣщаль противъ воли. Это предполагало новую борь-
бу съ силами стараго строя.

Это правильно. Но предстоящая либерализму конституционная борьба съ ними была меньшимъ зломъ, чѣмъ Революція. Революція не остановилась бы на либеральной программѣ. Не представители либеральной общественности могли бы ее на ней удержать. Имъ, принесеннымъ къ власти «народной волей», было бы не по силамъ съ этой волей бороться. Демagogия бы ихъ одолѣла, какъ это показалъ 17-й годъ. Было счастьемъ для нихъ, что прежняя власть уцѣлѣла и сама объявила новый порядокъ. Либеральному обществу было легче бороться съ прежней властью въ рамкахъ новаго строя, чѣмъ съ Революціей въ обстановкѣ революціоннаго хаоса. Въ *его интересахъ* было спасти государственную власть отъ крушенія. Но для этого общество должно было считать ее опорой; безъ активной поддержки общественности конституція быть не могло. Безъ нея могла получиться только или Революція или Реставрація стараго строя.

А если сохраненіе исторической власти было полезно, надо было дѣлать уступки и ей. Она была еще реальной силой, не меньшей, чѣмъ наша общественность. Было рещениемъ думать, что пока она существовала, какъ традиционная власть, ей можно было бы покрывать все, что хотѣли представители «воли народа». Съ властью надо было заключать соглашеніе на почвѣ взаимныхъ уступокъ, принимая въ уваженіе ея силу, а можетъ быть и предразсудки. «Освободительное Движеніе» съ Самодержавіемъ соглашеній не допускало. Но Самодержавіа больше не бы-

Конституціонная монархія была тѣмъ, чего хотѣлъ либерализмъ, и что ему самому было полезно, чтобы его не было революціонный хаосъ. Если Бисмаркъ правъ, что нова конституціонной жизни есть компромиссъ, то компромиссъ съ конституціонной монархіей становился не извинимою, а единственной разумной политикой. И соглашеніе Монархіей въ тотъ моментъ было тѣмъ легче, что она сдѣлала то, что было для этого нужно. Она согласилась на конституцію, закрѣпивъ ее Манифестомъ. Наконецъ, во гла-

въ правительства она поставила Витте. Могъ ли быть бо-
лѣе знаменательный выборъ?

Нельзя было въ то время ждать и даже желать мини-
стерства «общественныхъ дѣятелей». Какъ могъ бы Госу-
дарь вручить власть человѣку ему незнакомому, не имѣв-
шему опыта государственной дѣятельности, который съ
нимъ раньше боролся? Подобный шагъ былъ возможенъ
въ случаѣ капитуляціи, какъ это въ 1917 г. сдѣлалъ Ни-
колай II, отрекаясь отъ трона и назначая князя Львова
премьеромъ. Въ 905 г. положеніе было другое; правитель-
ство не было свергнуто. Въ обществѣ не было общепризна-
ныхъ лидеров. Сама общественность не могла *желать*
стать правительствомъ. Общественнымъ дѣятелямъ нужно
было еще проходить школу управленія государствомъ; ее
нельзя было начинать въ такое трудное время лицомъ къ
лицу съ торжествующей Революціей. Въ лучшемъ случаѣ
можно было желать привлеченія къ правительству обще-
ственныхъ дѣятелей, но главою правительства могъ быть
только представитель бюрократіи. А въ такой комбинаціи
назначеніе Витте было лучшимъ, которое можно было при-
думать.

По своимъ государственнымъ дарованіямъ онъ былъ
крупнѣйшей фигурой этого времени. Никто изъ просла-
вленныхъ общественныхъ дѣятелей не могъ выдержать срав-
ненія съ нимъ. Его недавняя побѣда въ Портсмутѣ дала
лишній примѣръ этихъ качествъ, содала ему европейскій
престижъ. При прочихъ равныхъ условіяхъ это давало ему
преимущество.

Но этого мало; Россія нуждалась въ реформѣ, а Витте
былъ реформаторомъ по натурѣ. Если онъ и былъ осторо-
женъ, то смѣлость и новизна его не пугали. Коренные не-
достатки нашего строя онъ понималъ; былъ давнишнимъ
сторонникомъ либеральныхъ реформъ и основной реформы—
крестьянской; пытался ихъ провозмѣти, еще при Самодержавіи.
При немъ конституція должна была быть средствомъ

преобразования Россіи, а не способомъ борьбы съ революціей.

Въ глазахъ либеральной общественности у Витте былъ одинъ недостатокъ: онъ былъ сторонникомъ Самодержавія. Но Самодержавіе для него не было идоломъ. Онъ былъ за Самодержавіе, пока считалъ его *полезнымъ* Россіи. Онъ призналъ, наконецъ, Самодержавіе болѣе невозможнымъ и въ докладѣ 17 октября рекомендовалъ конституцію. Этимъ онъ связалъ свою судьбу съ Манифестомъ. Союзъ его съ либеральной общественностью становился для него обязательнымъ. Въ ней была единственная опора его. Государь его не любилъ и назначилъ его противъ воли. Витте и либеральное общество могли быть полезны другъ другу, безъ чего нѣтъ прочныхъ союзовъ.

Зато для борьбы съ Революціей Витте былъ лучше поставленъ, чѣмъ наши общественные дѣятели; онъ ей ничѣмъ не былъ обязанъ; не былъ съ ней связанъ ни прошлой работой, ни соглашеніемъ. Его нельзя было упрекать ни намѣнъ, если онъ съ ней разоидется. Грозящую Революцію онъ могъ превратить въ ору либеральныхъ реформъ; при поддержкѣ либеральной общественности могъ справиться и съ нашей реакціей. Если не хотѣть Революціи, то для либеральнаго общества назначеніе Витте было лучшимъ исходомъ, чѣмъ кабинетъ общественныхъ дѣятелей.

Я буду позднѣе говорить о приѣмѣ, который оказала наша общественность попыткѣ Витте сблизиться съ *ней*. Ея политическая неумѣлость проявилась тогда съ поразительной яркостью и, къ несчастью, же въ послѣдній разъ. Но, чтобы не дѣлать потомъ отступленій, остановлюсь на частномъ вопросѣ, на отношеніи общества къ борьбѣ съ Революціей. Если вспомнить, какая товка преграда отдѣляла тогда Россію отъ торжествующей Революціи, то позиція того либеральнаго общества, которое само претендовало стать властью и должно было быть опорой ея показала, чего можно было отъ него ожидать.

* * *

Борьба съ Революціей, конечно, не могла вестись въ

прежнихъ формахъ. Отъ либеральнаго общества нельзя было требовать, чтобы оно одобрило борьбу съ революціонными настроеніями мѣрами устарѣлыхъ законовъ и произволомъ властей. Хотя послѣ большевистской полиціи, слѣдователей и судебныхъ властей — дѣйствія нашихъ охранокъ, жандармовъ, тѣмъ болѣе военныхъ судовъ кажутся верхомъ безпристрастія и гуманности, они были все-таки позорнымъ пятномъ на старомъ режимѣ. Но Манифестъ 17 октября въ это внесъ измѣненія. Свобода слова, собраній, союзовъ, неприкосновенность личности, требованіе законности во всѣхъ мѣропріятіяхъ власти, открыли въ Россіи новыя условія для борьбы за идеи и утопіи Революціи. Революціонныя партіи получили способы отстаивать свои идеалы. Успѣхъ этихъ партій въ Европѣ показываетъ, что они не безсильны въ этой борьбѣ. И тотъ же опытъ Европы показывалъ, что либеральныя правительства противъ Революціи не беззащитны, даже не прибѣгая къ приемамъ Самодержавія.

Въ 905 году вопросъ былъ сложнѣе. Революціонная атака на существующій строй началась въ *старыхъ* условіяхъ жизни. Она по необходимости велась тогда путемъ незаконій и даже насилій. Въ свое время пріятіе ихъ сближало либерализмъ съ Революціей. Бываютъ законы, которыхъ нельзя соблюдать. Таковы, на примѣръ, были законы, опредѣлявшіе положеніе старообрядцевъ и иновѣрцевъ; нельзя было осуждать тѣхъ, кто имъ не подчинялся. Таково же отчасти было правовое положеніе и политическихъ иновѣрцевъ. Въ такихъ условіяхъ беззаконіе и для нихъ было нормальнымъ исходомъ. Стоитъ ли настаивать на этомъ теперь, когда большевики стали «законодателями»? Манифестъ 17 октября осудилъ этотъ порядокъ; онъ долженъ былъ измѣнить приемы борьбы съ врагами правительства, дать долю свободы даже революціоннымъ утопіямъ. Отъ этихъ «завоеваній» либерализмъ не могъ отказаться.

Но это требовало времени, а Революція не дожидалась. Общанія Манифеста побудили ее удвоить усилія для пол-